

В. В. Федченко, Санкт-Петербургский государственный университет

АНГЛИЙСКАЯ И ИДИШСКАЯ ВЕРСИИ РОМАНА И. Б. ЗИНГЕРА «ВРАГИ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ»

Идея написать данную статью возникла после завершения работы над переводом с идиша романа Ицхока Башевиса Зингера «Враги. История одной любви», выпущенного московским издательством «Текст» в сотрудничестве с издательским домом «Книжники». Хорошо известно, что многие, в первую очередь, поздние романы И. Б. Зингера были переведены на другие языки, и, в частности, на русский, не с текста идишского оригинала, а с английских переводов-переложений, выполненных под контролем писателя¹. Отсутствие переводов с идиша оригинальных версий романов И. Б. Зингера часто объясняют тем фактом, что в завещании писатель просил переводить свои романы на другие языки только с английских версий, которые считал окончательными². Впрочем, это, скорее, распространенная легенда, источник которой остается неясным. Многие литературоведы, не владеющие идишем, не удерживаются от соблазна и комментируют английские переработки романов И. Б. Зингера, рассматривая их как самостоятельные произведения в контексте американской еврейской литературы. Поэтому не обходится и без курьезов: сравнительно недавно, в 2003 г., вышла монография китайского исследователя Го Цян Цяо «The Jewishness of Isaac Bashevis Singer» [Qiao 2003], обсуждающая еврейский характер произведений И. Б. Зингера на текстах английских переложений его романов. При этом хорошо известно, что автор, адаптируя переводы, убирал из них восточно-европейские реалии,

¹ Традиция переводить романы И. Б. Зингера с их английских вариантов не раз критиковалась, например, для русских переводов [Дымшиц 2008], для польских переводов [Adamczyk-Garbowska 2002].

² Это соображение высказывали мне в устной беседе французские коллеги. В русскоязычной литературе оно встречается, например, в [Горелик 2008].

элементы еврейской традиции и цитаты из Писания. Другие попытки анализа произведений И. Б. Зингера только в их английских версиях хотя и выглядят менее парадоксальными, все же не могут считаться исчерпывающими. Наиболее удачным мне кажется сопоставительный подход, рассматривающий одновременно идишский и английский корпус произведений И. Б. Зингера³.

В случае с романом «Враги. История одной любви» задача перевода и комментирования текста осложнялась тем, что идишская версия романа никогда не публиковалась в книжной форме. Она была напечатана в газете «Форвертс» с 11 февраля по 13 августа 1966 г. Английская версия, напротив, была опубликована сразу в книжном варианте в 1972 г. (переводчики — А. Shevrip и E. Shrub) и уже приобрела известность в двух русских переводах С. С. Свердлова [Свердлов 2001] и А. М. Поликовского [Поликовский]. Малоизвестный идишский текст романа почти не привлекал внимание исследователей.

Роман «Враги. История одной любви» на идише многим отличается от своей английской переработки. Смена языка провоцирует ряд существенных структурных изменений: полностью переписывается конец романа, из английской версии исчезает несколько персонажей, описательная часть романа сокращается, добавляется ряд сцен с диалогами. Часть из этих изменений, по всей видимости, является типичной для английских переложений романов И. Б. Зингера: подобным же изменениям подвергается, например, английская версия романа «Семья Мускат» [Дымшиц 2008].

Английский вариант романа «Враги. История одной любви» сокращается по сравнению с еврейским примерно на 20%. Наибольшие изменения в английской переработке претерпел конец романа, где фактически меняется сюжетная линия и опускается один персонаж. Главный герой романа Герман Бродер, спасшийся во Второй мировой войне и недавно эмигрировавший в Америку, мечется между трех женщин — первой жены Тамары, чудом спасшейся от нацистов, новой жены, польки Ядвиги, укрывавшей его во время войны на сеновале у себя в деревне, и любовницы Маши, с которой Герман знакомится уже в Америке. В идишской версии к этим трем женщинам добавляется еще четвертая — молодая американка Нэнси Избель. Заметим сразу, что фамилия четвертой героини является анаграммой английского «lesbi». Автор описывает ее как существо неопределенного пола: «<...> iz arayn a meydil mit geshoyrene hor. Di blonde hor af ir kop zenen geshtanen vi a bershtl. Zi hot getrogn a rizikn tash, vos hot gehongen af ir aksl un untern arem — a portfel. Di bremen iber di hele oygn zenen zikh tsunoyfgekumen. Zi hot gehat a kurtse noz, fule lipn on lipstik. Der kostyum hot oysgezen mansbilsh un der shleyfarum dem kelner fun der bluze hot dermont on a kravat. Di shikh hobn gehat niderike knaplen.

³ См. общее сопоставление английских и идишских вариантов текстов в работах: [Norich 1995], [Shmeruk 1979], [Miller 1985; 1986]; разбор разных версий романа «Семья Мускат» [Sapozhnik 1973], рассказа «Зейдлус первый» [Sherman 2001]. Наиболее полным образом эта проблема рассматривается в коллективной монографии [Denman 2002].

“Avade a lezbyanerin”, — hot german a trakht geton. Di froy hot gehat a kol vos hot geklungen nit vayberish un nit mansbilsh» [Bashevis 16.07.1966]⁴.

К этой неопределенности пола И. Б. Зингер не раз возвращается в последующем тексте, характеризуя внешность и поведение девушки, например, ее колени описываются как «yung-meydelsh (oder yinglsh) shpitsik» — «по-девичьи (или по-юношески) угловатые». «Afile der oyfn irer tsu farreykhern iz forgekumen mansbilsh. Zi hot gehalten dem tsigaret krimlekh. Zi hot aroysgelozt dem roykh durkh di nozlekher. A mansbilsh energye hot aroysgeshpart fun ir blik un di shtrenge antshlosnkayt fun a nekeyve vos nemt af zikh di lastn vi a zokher» [Bashevis 16.07.1966]⁵. Автор подчеркивает, что Нэнси говорит с Германом по-английски, водит машину, платит сама за себя в ресторане, тем самым создается образ типичной эмансипированной американки с внешним светским интересом к каббале. При описании персонажа автор не упускает случая поиронизировать над сочетанием феминистических настроений и увлечением каббалой, как, например, в диалоге Германа и Нэнси о мистических представлениях о мире:

— Loyt der kabole iz di dozike velt di ergste fun ale veltn. Zey rufn zi: nikvo de-tkhumo rabo — di froy fun dem grestn tkhum.

— Farvos grod di nekeyve?

— Vayl zi zet nit dem tkhum.

— Zi zet, zi zet. Me hot gekharget in eyrope punkt azoyfil froyen vifl mener [Bashevis 16.07.1966]⁶.

Герман сопоставляет слова *nikvo* «пещера, тоннель» и *nekeyve* «женщина», происходящие от одного корня, и переводит его на идиш словом *froy* — «женщина». Нэнси, в свою очередь, реагирует на эту игру слов с феминистическим запалом, настаивая на равенстве погибших в Холокосте мужчин и женщин.

⁴ <...> появилась коротко стриженная девушка. Светлые волосы на ее голове стояли ежиком. На плече висел огромный портфель. Брови срослись на переносице, глаза светлые. У нее был короткий нос и полные ненакрашенные губы. Ее костюм был похож на мужской, шарфик, пропущенный под воротником блузки, напоминал галстук, на ногах — ботинки на низком каблуке. «Точно лесбиянка», — подумал Герман. Голос девушки звучал странно, не мужской, но и не женский (здесь и далее перевод с идиша мой. — В. Ф.).

Для представления идишского текста в статье используется транскрипция ИВО.

⁵ Даже ее манера курить была мужской. Она держала сигарету криво и выдыхала дым через нос. Ее взгляд был полон мужской энергии и твердой решительности женщины, которая взяла на себя роль мужчины.

⁶ — Согласно каббале, этот мир — худший из миров. Каббалисты называют его «лоно великой бездны», то есть «женщина великой бездны».

— Почему именно женщина?

— Потому что она не видит предела бездны.

— Она видит, видит. В Европе уничтожили столько же женщин, сколько и мужчин.

Имя для американской героини также выбирается весьма типичное: Нэнси было очень популярным женским именем в Америке как раз в 1950–1960-е гг. Четвертая женщина, появляющаяся в жизни Германа, оказывается уже никак не связанной ни с прошлым главного героя, ни, в целом, с миром Восточной Европы. После рассказа Нэнси о своей семье («*Mayn muter iz toyt. Mayn foter iz a koynel in der amerikaner armey. Er iz itst in Korea*» [Bashevis 16.07.1966]⁷), Герман заключает: «*Dos iz amerike...*» — «Это и есть Америка...»

Американка Нэнси Избель играет роль ангела смерти главного героя. Вместе с ней Герман Бродер пропадает со страниц романа (уезжает на ферму к тете Нэнси Избель в Вермонт), и в эпилоге именно она сообщает жене Германа Тамаре о его исчезновении. Идишскую версию романа заканчивают слова Нэнси: «*Er hot gehaltn in eyn redn vi gliklekh er iz. Mitamol iz er avek. Farvos? Un vuhin? Saydn tsu der ru fun keyver*» [Bashevis 13.08.1966]⁸.

В целом, сюжетная линия романа, связанная с Нэнси Избель, наполнена определенным мистицизмом. Нэнси заходит в книжную лавку, в которой торгует Герман, сразу после того, как тот совершает единственное за весь роман доброе дело. Он не требует платы за книгу с раввина, которого только что обокрали на улицах Нью-Йорка, и дает ему денег на метро в придачу. С появлением Нэнси происходит ряд удивительных совпадений. Нэнси поражает Германа своим знанием древнееврейского и читает названия каббалистических книг без ошибок. На следующий день после того, как Герман рассказывает ей о своем желании спрятаться на какой-нибудь заброшенной ферме далеко от Нью-Йорка, у Нэнси обнаруживается тетя в Вермонте.

От мистического конца идишской версии романа «Враги. История одной любви» не осталось и следа в английской переработке романа. В английском варианте все герои разъясняют свои позиции. Главный герой Герман покидает всех трех женщин со словами: «Я брошу всех!»⁹ и пропадает вникуда. В эпилоге сохраняется, как и в идишской версии, тема загробного мира. Первая жена героя Тамара, отказываясь выйти замуж за рабби Лемперта, произносит: «Может быть, в следующей жизни — за Германа». Таким образом, в центре внимания оказывается не личность героя, который бежит от мира и нигде не может найти себе укрытие, а преданность ему женских персонажей романа, мистический конец заменяется на психологический.

Помимо концовки английская версия романа многим отличается от идишской. Опускается достаточно большое количество еврейских деталей романа, впрочем, это сокращение происходит выборочно: конкретные ритуалы (кидуш, биркат амазон) превращаются в общее «соблюдение обрядов», библейские цитаты исключаются, в то время как меню еврейской трапезы

⁷ Моя мама умерла. Отец — полковник американской армии, он сейчас в Корее.

⁸ Он <Герман> не раз повторял, как он счастлив. И вдруг уехал. Почему? И куда? Разве что в замогильный покой.

⁹ Здесь и далее перевод с английского А. М. Поликовского [Поликовский].

приводится во всех подробностях, как и в идишской версии. Нетрудно проследить, что сохраняются только те специфические элементы еврейской жизни, которые уже были знакомы американскому читателю¹⁰. Отсутствие еврейских подробностей часто компенсируется автором, как в следующем примере, где речь идет о единственном случае, когда отец любовницы главного героя, Маши, попробовал изменить своей жене Шифре Пуе: «Mashe flegt zogn in shpas az di libe tvishn ir foter un yener hebreistin hot zikh ongehoyn fun a dogesh khazak un az ven di tayve tsvishn der por iz dergangen biz der hekhster shtufe, hobn zey zikh gebitn mit di briln: meyer blokh hot ongeton ire shpakuln un zi hot ongezatlt di noz mit zayne pensne...» [Bashevis 05.03.1966]¹¹. В английской версии история с дагешем заменена на «правила древнееврейской грамматики», при этом добавлена психологическая подробность о том, что «Шифра Пуа не могла простить Меиру даже этой маленькой неверности».

При переработке текста из диалогов героев часто исключаются шутки, основанные на подробностях еврейской жизни и, по-видимому, непонятные американскому читателю. Прощание главного героя романа Германа Бродера с его «воскресшей» женой Тамарой на английском языке выглядит следующим образом, серьезно и несколько схематично:

— Ты так быстро уходишь?

— Тамара, мы с тобой не виноваты, что все разлетелось вдребезги.

На идише Герман отвечает на Тамарин вопрос шуткой о том, что ему еще надо успеть в микву в канун субботы, которая создает совсем другой интимный характер диалога. Помимо темы человеческих отношений, как в английской версии, здесь появляются темы оторванности от «старого мира» и тоски по нему (Тамара отвечает, что не слышала слово «миква» уже много лет), единого культурного кода, который вдруг обретают герои.

Д. Роскис отмечает, что в английских переработках произведений И. Б. Зингера происходит редуция антихристианских нападок [Roskies 1992]. Для романа «Враги. История одной любви» можно говорить, скорее, об общем фильтре политкорректности по отношению к религии, через который проходит текст при переводе. В частности, из английской версии изымается любая критика религиозных институтов, в т. ч. и еврейских. Рассуждая об американских раввинах, Герман говорит: «Vi kon men nokh maydanek un treblinke zayn azoy zikher in am hanivkher, in hashgokhe, skhar veoyneish, tkhies hameysim? Vi shemen zey zikh nit di

¹⁰ Подобные изменения наблюдаются и в других английских переработках произведений И. Б. Зингера, см., например: [Adamczyk-Garbowska 2002: 19–20].

¹¹ Маша любила шутить, что любовь между отцом и поклонницей иврита началась с сильного дагеша и достигла пика в тот момент, когда они поменялись очками: Меир Блох надел ее окуляры, а учительница нацепила его пенсне...

ale profesyonele ortodoksen mit di yarmulkes? Afile di neviym hobn dokh gehat trumes af got, afile di tsadikim hobn teylmol gehat sfeykes. Afile moyshe rabeynu hot dokh tsebrokhn di lukhes...» [Bashevis 25.02.1966]¹². Как констатирует И. Сапожник [Sapozhnik 1973: 26] для других произведений И. Б. Зингера, можно заключить, что в данном случае при трансформации английского текста автор и его американские редакторы стремились соответствовать ожиданиям читателей и исключали из романа слишком экстремальные высказывания. По всей видимости, по тем же соображениям из английской версии романа пропадает образ Бога-противника по шахматной партии, который готовит для героя неожиданные ходы и запутанные комбинации.

В целом, в идишской версии романа существенно большее количество страниц уделено философским размышлениям главного героя, Германа Бродера. Благодаря этому представление героя читателю в английской и идишской версии оказывается различным. В идишском варианте большое внимание уделяется диссертации Германа «Интеллект и характер в философии Шопенгауэра», в которой он пытался доказать тезиса Шопенгауэра о том, что интеллект всего лишь подчиняется воле и готов оправдать и придать смысл любому преступлению, и создать собственную систему — странное сочетание каббалы с идеями Спинозы и Шопенгауэра. В английском тексте акцент смещается на личные подробности жизни героя — отношение к родителям и к первой жене Тамаре. В целом, философские рассуждения и даже ссылки на философские теории и имена конкретных мыслителей исчезают из английской версии романа. В идишской версии романа много места уделяется внутренним размышлениям главного героя о жизни и смерти, о человеческих страхах и страданиях, смысле еврейского учения («учение жертв, а не палачей»), его собственной идентификации и отношении к религии. Эти пассажи наполнены древнееврейскими цитатами, ссылками на священные книги и философские учения. Работу И. Б. Зингера над английской переработкой текста хорошо иллюстрирует следующий эпизод романа. Герман Бродер пишет эссе для рабби Лемперта, которое получается весьма критическим. Комментируя стих: «И увидел народ, и дрогнули они, и встали поодаль» (Исх. 20:15), Герман пишет: «...der emes iz az matn-toyre, di tsen gebot, di gantse antplekung bam barg sinay, iz geven kegn hamoyn, kegn zayn natur, zayn goyrl. Der barg sinay hot take batsvungen di yidn, vi gemore darshnt, ober men ken gornisht af keynem aruftsvingen. Dos goldene kalb iz geven der entfere fun hamoyn. <...> der hamoyn muz

¹² Как можно верить в избранность, божественное провидение, воздаяние и наказание после смерти и грядущее воскресение из мертвых после Майданека и Треблинки? Как им не стыдно, этим профессиональным святошам в ермоках? Даже у пророков были претензии к Богу, и праведники иногда сомневались. И даже пророк Моисей разбил скрижали завета...

hobn a kalb, alts eyns, tsi es iz fun gold, zilber oder falshe teoryes. Nokh frier fun got iz geven avoyde zore» [Bashevis 04.06.1966]¹³. Закончив абзац, Герман понимает, что рабби Лемперт не примет эту работу, потому что для бизнеса не нужны сомнительные идеи, и рабби не хочет «ругаться с этим миром». Подобно своему главному герою, который выбрасывает начатое эссе, И. Б. Зингер убирает эти рассуждения из английского текста романа.

В английской версии внимание автора переходит от главного героя к окружающим его женщинам и их взаимоотношениям, этот переход сопровождается сменой формы повествования: монолог идишской версии уступает место диалогу или пересказу диалога в английской. Подробнее представляется биография Тамары, ярче выписывается ее характер, добавляется откровенный любовный диалог с Машей, полный провокационных вопросов (например, «Захотела ли бы она <Маша> попробовать брата Германа, если бы у него был брат?»). Философскую атмосферу романа на идише и противостояние Богу-шахматисту, который постепенно подводит героя к безвыходной ситуации, сменяет в английской переработке психология человеческих отношений.

По-видимому, также из соображений адаптации романа к американскому читателю исключается пространное яркое описание Нью-Йорка, в котором он представляется в виде своеобразного Молоха. В городе стоит невыносимая жара, повсюду вонь, раскопанный асфальт, из которого торчат трубы и части фундамента, сирены пожарных машин, чей звук сравнивается с плачем Гададриммона в долине Мегиддонской (сравнение из Зах. 12:11). Создается панорама Апокалипсиса, лагеря добровольного самоуничтожения: «*Dos iz nisht keyn shtot, <...> nor a kontsentratsye-lager, vuhin di karbones kumen frayvilik, tsugetsoygn fun papirlekh azoyme, vos rufn zikh dolars!*» [Bashevis 25.02.1966]¹⁴. Картина концентрационного лагеря заменяется на абсолютно противоположное описание Нью-Йорка практически как рая для евреев в английской версии романа. И. Б. Зингер описывает, как из окна автобуса Герман Бродер видит еврейский Нью-Йорк: хасидов с пейсами длиннее, чем в Варшаве, группу седобородых мужчин, изучающих Талмуд. «Автобус ехал мимо кошерных ресторанов, мимо еврейского кинотеатра, мимо купальни для ритуальных омовений, мимо зала, который сдавался для свадеб и бармицв, и мимо дома для погребальных церемоний». В этой замене апокалиптической картины на

¹³ В действительности дарование Торы, десять заповедей, явление Торы на горе Синай — все это было против простого народа, против его природы, его судьбы. Гора Синай была навязана евреям, как объясняет это Гемара, но никого ни к чему принудить нельзя. Золотой телец был ответом простого народа. <...> Народу нужен телец, неважно, из золота, серебра или ложных теорий. Идолопоклонство появилось раньше, чем сам Бог.

¹⁴ Это не город, <...> а концентрационный лагерь, куда жертвы приходят добровольно, мнимые бумажками под названием доллары.

идиллическую можно видеть авторскую иронию. Это как раз тот случай, когда идишская и английская версии романа работают друг на друга, обнаруживая межтекстовую игру¹⁵.

Форма публикации идишской версии — роман с продолжением — обусловила ее стилистическую и содержательную неаккуратность. Читателя, привыкшего к стилистически выверенному и богатому идишу рассказов И. Б. Зингера, поражает однообразность используемых в тексте романа грамматических конструкций, небрежность в словоупотреблении, нарушение логики повествования. Как отмечают некоторые исследователи произведений И. Б. Зингера, существующих в двух вариантах — идишском и английском, в переводе стилистическая неровность текста оказывается сглаженной¹⁶. Это дает повод высказывать необоснованные, на мой взгляд, предположения о том, что идишские версии романов писателя служили лишь черновиком для последующих английских обработок.

С точки зрения стилистики диалоговые части романа выглядят хорошо продуманными. По своим речевым характеристикам герои делятся на персонажей «старого мира» и новых американских евреев. Описывая мир Восточной Европы и недавних эмигрантов, И. Б. Зингер сохраняет обычные для его идишской прозы стилистические приемы: наделяет свои персонажи словесными характеристиками, вводит в их речь диалектные черты, подчеркивает устную интонацию. Диалектная речь обозначается с помощью отдельных характерных элементов и комментируется в авторском тексте. Так, о муже любовницы Германа Бродера, Леоне Торчинере, сообщается: «...er hot geredt a platshikn yidish, andersh vi herman un mashe, mit an oysshprakh vos vert genutst bloyz in a kleynem teyl fun poynl, ergets in der provints, tvishn radom un lyublin» [Bashevis 13.05.1966]¹⁷. В его речь вводится только одна, стандартная для изображения польского диалекта в литературе, языковая характеристика — нормативное *ikh* («я») он произносит как *yakh*, то есть диалект только символически обозначается с помощью особенности, которая идентифицируется носителями идиша как польская.

Речь американских персонажей, таких как рабби Лемперт, доктор, наполнена английскими словами и кальками. И. Б. Зингер создает литературный вариант смешения кодов, например, в речи доктора: «*Vu lebt*

¹⁵ Этот эпизод может послужить дополнительным аргументом для позиции А. Норич [Norich 1995], настаивающей на необходимости изучения английского и идишского корпуса произведений И. Б. Зингера в их взаимосвязи между собой и выявлении интретекстуальных смыслов.

¹⁶ См. дискуссию о качестве языка идишского оригинала и английских переводов в [Adamczyk-Garbowska 2002: 17–18].

¹⁷ Он говорил на грубом идише, отличавшемся от языка Германа и Маши. Такое произношение можно услышать только в Малой Польше, где-нибудь в провинции между Радомом и Люблином.

ir, mentshn? On the moon? Ir zent nokh ale geblibn shtekn in di kleyne shtetelekh in Russia. Do ven a froy shvangert, muz zi zayn connected mit a dokter di gantse tsayt»¹⁸. По сюжету романа этот текст произносится с серьезной интонацией, но выглядит, несомненно, как карикатура на так называемый *kartoffl-yidish*¹⁹ (картофельный идиш) — идиш, наполненный английскими словами и выражениями.

Все перечисленные стилистические особенности по понятным причинам исчезают в английской версии романа. За счет этого пропадает стилистическая напряженность, существующая между американскими и восточно-европейскими персонажами в идишской версии романа, теряется авторская ирония и оценка персонажей.

Язык авторского текста и внутреннего монолога главного героя представляет собой некий средний вариант, практически лишенный идиоматических выражений, и английских заимствований. Его можно рассматривать как иллюстрацию к кризису языка идиш в Америке, о котором И. Б. Зингер пишет в своей статье «Problems of Yiddish Prose in America» [Zinger 1943]²⁰, как компромисс между испорченным американским идишем и богатым языком рассказов И. Б. Зингера. Он словно сознательно избегает хорошего стиля в авторской речи и внутреннем монологе главного героя. Его язык монотонен и даже иногда вызывает раздражение у читателя. Стилистическая небрежность романа «Враги. История одной любви» создает эффект, который можно сравнить с впечатлением русского читателя от языка романов Ф. М. Достоевского. Спровоцированная формой публикации романа, эта неаккуратность выглядит оправданной и работает на создание образа главного героя, который не в состоянии обрести гармонию даже в собственном языке.

Краткий анализ расхождений между английской и идишской версией романа «Враги. История одной любви» позволяет противопоставить два корпуса произведений И. Б. Зингера, по крайней мере, по следующим параметрам:

Идишская версия	Английская версия
Преобладание монолога и авторской речи	Преобладание диалога
Мистическо-философский характер	Психологизм
Резкая критика религии и отдельных аспектов традиции	Идеализация еврейской жизни
Использование стилистических возможностей языка	Сглаженный стиль

¹⁸ Люди, где вы живете? On the moon? Вы все еще застряли в своих местечках in Russia <...>. Здесь, когда женщина беременеет, надо быть connected с доктором все время.

¹⁹ Явление и термин появляются в начале XX в.

²⁰ См. подробнее об этой статье у Д. Роскиса в [Roskies 1995: 281].

Несмотря на то что эти два корпуса принадлежат к разным литературным традициям, мне кажется наиболее плодотворным просто признать, что некоторые произведения И. Б. Зингера существуют в такой необычной двойной форме, и исследовать их в сопоставлении друг с другом.

Valentina Fedchenko

St. Petersburg State University, Senior Lecturer, Ph.D.;
7–9 Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg

**English and Yiddish Versions of Itzhok Bashevis Zinger's Novel
"Enemies. A Love Story"**

Abstract: The paper analyzes two different versions of I. B. Zinger's novel "Enemies. A love story". The Yiddish version that has never been published in a book form, only in the newspaper "Forverts" from February to August 1966, was recently translated into Russian. Changes in the main story and in characters' presentation have been revealed. In the English version the philosophical mystical discussions are replaced by psychological details. Polemic and critical way of description Jewish religious institutes in the US is substituted by an idealized presentation of Jewish life in America. The style has also undergone some changes: it was attentively elaborated in the English version. The Yiddish style provokes the readers by its negligence and disharmony.

Key words: Yiddish literature; modernism; I. B. Zinger, translation, American literature.

Bibliography

M. Adamczyk-Garbowska, Isaac Bashevis Singer's works in English and Yiddish: the language and the addressee // Isaac Bashevis Singer: His Work and His World / H. Denman (ed.). Koninklijke Brill NV, Leiden. 2002. P. 17–29.

I. Bashevis, Di geshikhte fun a libe. A roman // Forverts, 11.02.1966–13.08.1966.

I. B. Zinger, Vragi. Istoriya lyubvi (Enemies. A love story) / A. M. Polikovsky (transl.). URL: <http://lib.rus.ec/b/335427>.

I. B. Zinger, Vragi. Istoria lyubvi (Enemies. A love story) / Sverdlov S. S. (transl.). St. Petersburg: Limbus-Press, 2001.

V. A. Dymshits, Proklatie Zingera (Zinger's curse) // Narod knigi v mire knig. 2008. No. 72. URL: http://narodknigi.ru/journals/72/proklyatie_bashevisa.

V. A. Dymshits, Khren-trava, ili Itzhok-Bashevis kak zerkalo evreyskoy kulturnoy revoliutsii v Rossii (Itzhok-Bashevis as a mirror of the Jewish revolution in Russia) // Narod knigi v mire knig. 2000. No. 29.

M. Gorelik, Messia griadet (Messiah comes). Review of the book: Isaak Bashevis Zinger. Semia Muskat. (Family Muskat). A novel / Translated from English by A. Livergant. Moscow: Text, 2007 // Novyj mir. 2008. No. 4. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2008/4/go15.html.

D. N. Miller, *Fear of Fiction: Narrative Strategies in the Works of Isaac Bashevis Singer*. Albany: State University of New York Press, 1985.

D. N. Miller, *Recovering the canon: essays on Isaac Bashevis Singer*. E. J. Brill, 1986.

A. Norwich, *Isaac Bashevis Singer in America: the Translation Problem // Judaism*. 1995. Vol. 44. No. 2.

G. Qiao, *The Jewishness of Isaac Bashevis Singer*. Peter Lang: Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M.; New York; Wien, 2003.

D. G. Roskies, *A Bridge of Longing. The Lost Art of Yiddish Storytelling*. 2nd ed. London, 1995.

H. Sapozhnik, *Translating "The family Moskat: The Metamorphosis of a Novel" // Yiddish*. 1973. Vol. 1. No. 2. P. 26–37.

J. Sherman, *Bashevis Singer and the Jewish Pope // S. L. Wolitz (ed.). The Hidden Isaac Bashevis Singer*. Austin: University of Texas Press, 2001. P. 13–27.

C. Shmeruk, *The Use of Monologue as a Narrative Technique in the Stories of Isaac Bashevis Singer // Introduction to: Isaac Bashevis Singer. The Mirror and Other Stories*. Jerusalem: Hebrew University, 1975. P. 5–34.